

ВЛАДИМИР СПИВАКОВ: ЕСТЬ В РОССИИ ВЕЛИКАЯ СИЛА

На интервью с Владимиром СПИВАКОВЫМ в канун Нового года я пришла раньше намеченного времени и, тихонечко пробравшись за кулисы Театра им. Моссовета, где Маэстро репетировал со своим оркестром программу вечернего концерта, стала ждать перерыва. На мой непрощенный слух оркестр играл вполне слаженно, темпераментно и вдохновенно. Но дирижер то и дело останавливал репетицию и требовал повторения не удовлетворявших его фрагментов. Один и тот же музыкальный кусок повторялся до четырех, пяти раз. Дирижерский слух Спивакова улавливал в звучании инструментов нюансы, неподвластные простому слушательскому уху. И только что проигранный пассаж повторялся снова и снова... Репетиция длилась уже более полутора часов, когда дирижер объявил наконец короткий перерыв.

— Владимир Теодорович, полгода назад в интервью нашей газете вы сказали, что в жизни оркестра намечаются перемены. Лужков обещал вам свой патронаж, посулил предоставить здание для работы. Насколько продвинулось решение этих проблем?

— Дела постепенно решаются. Как говорил Михаил Сергеевич, "процесс пошел". Начинает создаваться структура. Я имею возможность укрепить оркестр, взять молодых музыкантов.

— А как проходит у вас смена состава оркестра?

— Я вообще не люблю конкурсов. Обычно уже известные люди, умеющие играть в ансамбле. Но все дело в том, что мало уметь просто хорошо играть, быть солистом. Нужно уметь слушать другого, а не только себя самого. Как в жизни, так и на сцене, чтобы получалась совместная игра, совместный ансамбль. Это равно необходимо как в театре, так и в музыке. И я думаю, что главное достоинство настоящего высокого ансамблиста — это умение скрывать недостатки партнера. Надо не только качественно играть, но и взаимодействовать, жить в этой среде. Одни приживаются, а кто-то и нет. Это процесс непростой, требует времени. Просто брать кого-то не хочется, потому что в маленьком оркестре каждый человек на вес золота.

— А сколько сейчас у вас музыкантов в оркестре?

— Человек тридцать.

— И база по-прежнему в Испании?

— Да, это у нас бессрочная база. Но очень может быть, что оркестр в недалеком будущем поделится на две части, может быть даже неравные, потому что многие музыканты хотят вернуться обратно в Москву. Если нам пойдут на встречу и финансово это будет определено, тогда, возможно, большая часть, а уж половина обязательно, станет жить здесь. Меня это не пугает, потому что у нас много гастроль и много возможностей соединяться и репетировать вместе. На гастролях мы интенсивно работаем. Были месяцы в Америке, два концерта дали в переполненном Карнеги-холле в Нью-Йорке, играли в Чикаго, Бостоне, Филадельфии, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, во всех крупнейших городах США. И каждый день перед концертом у нас была трехчасовая репетиция. Это очень большая работа. Очень. Так что у меня нет страха перед разделом.

— Но вы будете сами руководить двумя половинами? Или в той, где вас временно не будет, с оркестрантами займется кто-то другой?

— Как и прежде, я остаюсь руководителем всего коллектива. А в мое отсутствие в одной из половин будет передавать свой опыт музыкантам кто-то из старейшин.

— А как обстоят дела с обещанной в Москве базой?

— Пока ее еще нет. Но я все-таки очень надеюсь, что бывший кинотеатр "Форум" не окажется чем-то эфемерным, какой-то недостижимой мечтой. Мне кажется, что Москве нужен еще один концертный зал. Ведь после строительства Зала имени Чайковского, предназначавшегося изначально под Театр Мейерхольда, в городе не было построено ни одного концертного зала для классической музыки. Москва строится, расширяется, становится действительно замечательным городом, радостным, необычным. И наличие такого зала очень ее украсит. В Европе то один, то другой город называют культурной столицей и проводят там соответствующие фестивали, показы, концерты. Как у нас когда-то проводились Дни культуры республик, краев, областей. Когда мы, например, приехали в Испанию, Ма-

рид был назван культурной столицей Европы и нам было высказано пожелание постоянного участия в концертах "Виртуозов Москвы". Вот только что я закрывал такие же Дни в Салониках, в Греции. Очень надеюсь, что и Москва дождется своего часа быть названной культурной столицей Европы.

— Но это все впереди. А сейчас конкретно кто занимается подготовкой вашей московской базы?

— Эти вопросы — к директору. Я — по творчеству.

— А Фонд Спивакова каким-либо образом в этом участвует или он тоже только "по творчеству"?

— Он — исключительно по помощи детям. Там своя огромная работа. К 850-летию Москвы, например, было проведено свыше ста детских концертов. И эта работа ведется постоянно. Я очень люблю выражение Андрея Дмитриевича Сахарова, который говорил, что очень важно идти в заданном направлении. Постоянство — очень хорошая черта.

— А продолжается ли в вашем оркестре практика участия в качестве солистов совсем юных исполнителей, практически еще детей, как это было в прошлом сезоне, когда в Новосибирске с вами играл концерт Моцарта одиннадцатилетний Миша Симонян?

— Конечно продолжается. Несколько стипендий я даю молодым неимущим западным музыкантам. И они с нами часто выступают. Вот совсем недавно во французском Колмаре.

— Кстати, коль скоро упомянули Францию, ваши девочки по-прежнему в Париже?

— Нет, они сейчас в Москве.

— Уже в Москве?

— Не уже, а на каникулах. Старшие продолжают учиться в Париже, а здесь отдыхают. Присутствуют на всех концертах, очень счастливы. Ходят на каток, у них появились московские друзья.

— Значит, вы обжили свою московскую квартиру?

— Я вообще ни одной своей квартиры не обжил. Так уж получается, что я — перелетная птица. Везде у меня стоят чемоданы. С одним — лечу в Америку, с другим — в Китай, с третьим — в Австралию.

— А где пребывает ваша супруга: с девочками в Париже, с вами в поездках или в Москве?

— Большую часть времени она проводит с детьми, ведь младшей всего три года, нужна мама. Но тем не менее она мне очень помогает, потому что я не силен в бумагах, в администрировании и прочих таких делах. Контракты никогда не читаю и часто оказываюсь в глупейшем положении, потому что на деле все получается совсем не так, как я себе представлял, совсем не то, что я думал.

На вопрос о ближайших планах и своих впечатлениях от московских концертов Владимир Теодорович сказал, что с 21 по 27 декабря у него практически каждый вечер было по концерту. Он очень боялся выступления во Дворце культуры "Меридиан", потому что публика привыкла слушать там эстрадные коллективы и знаменитых эстрадных певцов. Но Дворец культуры оказался переполнен и прием был потрясающим. Все было счастливым — как публика, так и музыканты. Сыграны два концерта в зале Театра имени Моссовета; оркестр принял участие в праздновании 20-летия хора, руководимого Владимиром Мининим, участвовал также в фестивале, посвященном 65-летию Родиона Щедрина, где исполнил "Российские фотографии" — сочинение, посвященное композитором Спивакову и его оркестру; в сольном концерте маэстро в зале Чайковского принял участие замечательный музыкант Кун Ву Пек, кореец, живущий во Франции. А после Москвы — Киев и Днепрпетровск. Потом восемь концертов в Испании и дальше — сольные поездки Спивакова в Америку, где он будет играть и дирижировать с крупнейшими американскими оркестрами.

— Вы, Владимир Теодорович, сейчас сказали: "Наши обязательства перед Испанией". У вас договоренность на определенное число ежегодных выступлений?

— Нет, это только наше моральное обязательство, элементарная благодарность за предоставление возможности работать и жить в Испании. Нам созданы все условия для творчества. Там, как, впрочем, и в поездках, о чем я уже говорил, мы много репетируем, готовим новые программы.

— Раскройте, пожалуйста, хоть немного свою "кухню". Как вы работаете с оркестром?

— Каждый композитор — особый мир, его эпоха, его собственный голос. Это — как сокровища Али-Бабы: нужно подобрать свой ключик к каждой двери, чтобы войти туда и спокойно себя чувствовать. Не все двери открываются просто. Вообще у дирижера в этом смысле незавидная роль. Ему все время нужно останавливать оркестр и говорить, что что-то не так звучит. В нашей работе необходимо большое взаимное уважение и взаимное терпение.

— А ощущаете ли вы какие-то перемены в жизни России, в отношении к себе публики, приезжая сюда вновь по прошествии определенного времени?

— Никакого отрыва от России я никогда не ощущал, потому что часто приезжаю. А ощущая в русском характере постоянство. Несмотря на трудную жизнь, в России сохраняется очень высокая духовность. Я это чувствую везде: и в Москве, и по всей стране. Даже, может быть, в провинции это сильнее.

— В нынешнем сезоне российская провинция имеет место в ваших планах?

— Да, обязательно. Поедем по Сибири, Уралу, а там Армению, Грузию, Белоруссию. Прием там всегда такой, замечательный, что даже сказать словами невозможно. Трудно оценить ту меру любви, которую выплескивает на нас публика. Люди купаются в этом чувстве. Мы уезжаем переполненные счастьем. Именно поэтому не покидает надежда, что Россию невозможно уничтожить, утопить, опустить куда-то. Есть в этой стране что-то необъяснимое, какая-то великая сила.

— Сейчас многие люди искусства, ранее уехавшие на Запад, возвращаются в Россию, в Москву. Чем вы это объясняете?

— Тем, что мы выросли здесь. Здесь наши корни. Это как дерево: пересадите его на другую почву, и оно может погибнуть. Хорошо, если приживется. В принципе мы — все же другие. И я совершенно убежден, что своими мы где-то там, вне России, никогда не будем.

— Несмотря на то, что и условия там лучше, и принимают хорошо?

— В бытовом смысле там лучше, да. В духовном — безусловно нет. Человеку нужна отдача. Я не верю в искусство для искусства. То, что происходит на сцене, — всегда взаимодействие с залом. Публика — энергетика, создающая атмосферу на сцене. Публика питает сцену, сцена — зал. И лучшая публика здесь, в России.

Приоткрылась дверь, кто-то заглянул в гримерную, мы сидим, и Владимир Теодорович мгновенно поднялся, перерыв в репетиции закончился, маэстро поспешил к оркестру.

Беседу вела

Наталья БАЛАШОВА.